

Д. АНГЕЛОВ. «АГРАРНИТЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕВЕРНА И СРЕДНА МАКЕДОНИЯ ПРЕЗ XIV ВЕК»

София, 1958, 256 стр.

Профессор Д. Ангелов не в первый раз обращается к проблеме аграрного строя в средневековой Македонии. Еще в 1947 г. он посвятил небольшое исследование вопросу о социальных отношениях в Эпирском деспотате¹, доказав наличие в XIII в. значительной прослойки свободных крестьян. Позднее им была опубликована обстоятельная работа о поземельных отношениях в Византии XIII в., куда вошли и результаты его наблюдений над развитием монастырских вотчин в Южной Македонии². Рецензируемая работа является как бы продолжением этой серии исследований.

По социальной истории Македонии XIV в. сохранился довольно значительный фонд источников. Это — архивы крупнейших в Македонии монастырей — Хтетовского, св. Георгия „Быстрого“, Трескавецкого, Гавриила Лесновского, св. Стефана в Конче и некоторых других, а также законодательные акты сербских государей, в том числе и такой первоклассный источник по истории Сербии, как Законник Стефана Душана. Эта масса документального материала постоянно пополняется новыми публикациями, и несомненная заслуга автора в том, что он привлек к своему исследованию источники, опубликованные в самые последние годы³.

Д. Ангелов не первый приступает к обследованию этого фонда. С конца XIX в. ряд ученых, преимущественно сербских, подвергал анализу акты, относящиеся к монастырскому землевладению в Северной и Средней Македонии. Работы Ст. Новаковича⁴, Т. Тарановского⁵, М. Влайнаца⁶, К. Иречека⁷, А. Соловьева⁸, Р. Груича⁹ и др. ввели в научный оборот значительное число источников и обрисовали некоторые стороны хозяйственного роста и быта македонских монастырей. Но Д. Ангелов первый изучает историю аграрных отношений в Македонии с позиций историка-марксиста, и поэтому в работе рассматривается ряд принципиально новых проблем. Характер сохранившихся источников вынудил его сосредоточить внимание главным образом на исследовании монастырской феодальной вотчины. Автор поставил перед собой три основные задачи: изучение роста и структуры крупного монастырского землевладения, анализ положения монастырского крестьян-

¹ Д. Ангелов. Принос към народностите и поземелни отношения в Македония (Епирски деспотат) през първата четвърт на XIII век. „Известия на Камарата на народната култура“, г. IV, № 3. София, 1947, стр. 1—46.

² Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения в Византия през XIII в. „Годишник на държавния университет“, фил.-ист. фак., 1952, кн. II, стр. 1—103.

³ А. Соловьев. Кончански практик. „Зборник радова САН“. Византолошки институт САН. Београд, 1955, кн. 3, стр. 83—109.

⁴ Ст. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског. Београд, 1898; его же. Село. „Глас САН“, XXIV, 1891.

⁵ Т. Тарановски. История српског права у Немањинској држави. Београд, I, 1931; II, 1935.

⁶ M. Wlainatz. Die agrar-rechtliche Verhältnisse des mittelalterlichen Serbiens. Jena, 1903.

⁷ С. Јиреček. Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien. „Denkschriften der kais. Akad. der Wissenschaften“, I—II. Wien, 1913.

⁸ А. Соловьев. Сокалници и отроци у упоредно-историској светлости. „Гласник СНД“, XIX, 1938.

⁹ Р. Грујић. Лични властелинства српских црквених претставника у XIV и XV веку. „Гласник СНД“, XIII, 1934, кн. 7; его же. Руски властелинства по Србији у XIV и XV веку. „Историски часопис“, V, 1954—1955.

ства и характеристика характера и организации монастырского хозяйства (стр. 5—7). Соответственно и три главы работы носят названия: „Монастырская феодальная собственность в Северной и Средней Македонии в XIV в.“, „Зависимое монастырское население“, „Монастырское хозяйство“.

Нельзя не согласиться с утверждением Д. Ангелова, что „история Северной и Средней Македонии в XIV в.—это не только история бурных политических событий... но и история наивысшего развития феодальных отношений“ (стр. 15). Именно в XIV в. особенно быстро росло монастырское землевладение. Как показывает автор, рост этот шел главным образом за счет крестьянских сел, попадающих под власть македонских монастырей. К концу века общее количество монастырских сел дошло (по сохранившимся документам) до 200. При этом особенно примечательно, что основная масса сел — около 25 — оказалась в руках крупнейшего собственника Македонии — Хиландарского монастыря. Автор подчеркивает, что особенно бурный рост числа монастырских сел имел место во время правления Стефана Душана: до 1331 г. число сел у монастырей едва достигало 35 (стр. 28). Автор утверждает, что монастыри создавали двойной режим в подвластных им селах, наделы оставались в руках крестьян, в то время как альменда переходила в распоряжение церковного вотчинника (стр. 36). Первый род земель Д. Ангелов именует *terra indominicata*, второй *terra dominicata*. Этому делению автор отводит важное место в своих дальнейших построениях.

Второй составной частью крупного монастырского землевладения, по мнению Д. Ангелова, являлись метохи. Так как многие метохи были основаны светскими землевладельцами и являлись первоначально личной собственностью их ктиторов, то включение этих метохов в состав владений крупных монастырей наглядно доказало, как справедливо отмечает автор, что собственность светских феодалов интенсивно переходила в руки церкви (стр. 44).

Среди категорий зависимого населения наибольшее внимание исследователя привлекает широкая прослойка париков (меропхов). Д. Ангелов отмечает, что в ее состав входят также ремесленники, священники и другие мелкие группы. Парики располагают наследственными наделами („баштинами“), носящими как индивидуально-семейный, так и задружный характер (стр. 96). Помимо париков, некоторую часть зависимого населения составляют влахи — кочевое пастушеское население, лишь постепенно переходящее к оседлому образу жизни. Переход влахов к оседлости, по мнению Д. Ангелова, вызывался главным образом тем, что горные пастбища захватывались феодальными собственниками (стр. 105). Подробная характеристика отроков и сокальников, близких к византийским „элевертам“, завершает этот анализ положения македонского крестьянства.

Интересно написан параграф третий второй главы, посвященный проблеме крепостной зависимости в Македонии (стр. 119 сл.). Особо следует отметить, что Д. Ангелов, в противовес утверждению некоторых буржуазных историков (М. Влайнац, Т. Тарановский), а также современных югославских ученых, отрицает существование крепостного населения в городах Македонии (стр. 121).

Очень богата материалом третья глава работы „Монастырское хозяйство“. Основное внимание Д. Ангелов уделяет исследованию организации монастырского хозяйства. Он отмечает (стр. 158), что это хозяйство удовлетворяло потребности вотчинника главным образом при посредстве ангарий (отработочная рента), которые подразделялись на 3 вида: барщины скотоводческие, барщины полевые и работы, удовлет-

ворявшие бытовые потребности монахов. Автор подчеркивает, что к выполнению ангарий были привлечены все категории зависимого населения — и влахи, и отроки, и парики, причем каждая из них выполняла свою определенную норму работы (стр. 169). Впрочем, эта норма не была одинаковой. В Македонии, например, барщина исчислялась по времени, а в Сербии — по количеству отводимой для обработки земли (стр. 174). Норма барщины была различной в отдельных монастырях; в некоторых из них она не превышала трех дней в году, а Хиландарь требовал от своих париков (меропхов) 100-дневной барщины (стр. 163). В книге исследуются причины возрастания отработочной ренты в Македонии (стр. 164—166). Кроме барщины, крупные монастыри использовали для обработки своих земель труд поденщиков (стр. 176—177), а также различные формы аренды (стр. 181—184).

Анализируя проблему натуральной ренты, Д. Ангелов приходит к выводу, что последнюю никоим образом нельзя считать „копией централизованной государственной ренты“ (стр. 216). Коммутация этой ренты в XIV в. находилась еще в начальной стадии развития (стр. 219). Главу завершает подробная характеристика монастырской торговли (стр. 219—234). Автор, в частности, утверждает, что иммунитет (в особенности финансовый), которым располагали монастыри, давал им возможность обращать в свою пользу взимаемые на ярмарках пошлины, что и породило у монастырей активный интерес к созданию местных рынков в своих владениях (стр. 234).

Таково краткое содержание книги. Уже перечень поднятых автором проблем и предложенных им выводов говорит о том, что монография проф. Д. Ангелова не может не привлечь внимания всех интересующихся средневековой историей балканских стран.

Среди выводов, предлагаемых Д. Ангеловым, некоторые заслуживают особого внимания благодаря новизне, четкости и убедительности решения. Таково, например, его наблюдение о наличии интенсивного процесса крестьянских переселений, оказывавшего влияние на жизнь всей балканской деревни. Эта мысль, к которой автор возвращается в разных местах своей работы, играет важную роль в его построениях. Он отмечает, например, что заселение запустевших монастырей широко практиковала в своих фискальных интересах и государственная власть (стр. 82—83). Но чаще всего этот метод использовали феодалы: в целях увеличения численности зависимого населения они привлекали на свои земли так называемых „свободных людей“ (стр. 84), широко известных в Византии под именем *ἐλεύθεροι ξένοι*¹⁰. Дело доходило даже до столкновения между феодалами из-за этих „свободных людей“. Вместе с тем приток безземельных в вотчины приводил к тому, что земля, входившая в состав *terra dominicata*, разбиралась пришлыми крестьянами в обработку путем расчистки пустошей (стр. 69—70). Поэтому было бы естественным, если бы Д. Ангелов назвал этот процесс так, как он этого заслуживает, — процессом внутренней колонизации. Д. Ангелов не только показал этот процесс, но и вскрыл его корни, подчеркнув его связь с малоземельем значительной части крестьян (стр. 98—99).

Создание крестьянского хозяйства на отвоеванной у планин и пустошей земле, числящейся господской, безусловно, соответствовало интересам вотчинников, чьи доходы увеличивались за счет повинностей этих крестьян. Но, с другой стороны, создавая свое хозяйство, крестьянин приобретал и какой-то минимум владельческих прав, без которого ведение

¹⁰ Г. Осгрогорский. Византийские писцовые книги. BS, t. IX, 1948, стр. 278—286; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 134 сл.

хозяйства было бы невысказанным. И феодальное право страны иногда было вынуждено признать это. В грамоте короля Милутина Хиландарскому монастырю (1318 г.) признается, что расчищенные крестьянами земли должны считаться их собственностью — баштинами. Однако в более позднем „Юстиниановом законе“, юридическом памятнике, современном Законнику Стефана Душана, права крестьян уже ограничиваются трехлетним сроком. А в еще более позднем Кончанском практике 1366 г. обработанные крестьянами земли именуется „господской землей“ — и только (стр. 74). Эти факты иллюстрируют ту борьбу, которой сопровождалось формирование владельческих прав крестьянина на землю, и их анализ является одним из важных достоинств работы Д. Ангелова.

Очень интересные соображения, высказанные автором об отроках. Долгое время отроки рассматривались в литературе в качестве средневековых рабов — холопов¹¹. Д. Ангелов расходится с этим мнением и характеризует отроков как категорию феодально-зависимого населения — пусть самую низшую из всех существовавших, но тем не менее располагавшую определенными имущественными правами (стр. 113). Автор опирается при этом на данные царских грамот и монастырских памятников (в частности на Кончанский практик 1366 г.), свидетельствующие о расселении отроков по селам, где они наделялись землей (стр. 110—111), и на статью 67 Законника Душана. В свете этого материала едва ли нужна оговорка автора, что отроки были промежуточной категорией между рабами и париками. Правда, отроки отделяются от остальных групп крестьян тем, что находятся под полной судебной властью своего господина (см. ст. 72 Законника Душана: „Кто бы ни пришел на царский двор, всем творится правый суд, кроме отрока властельского“). Но этому свидетельству можно противопоставить другое (заимствованное из того же Законника), по которому отрок не может быть отдан в качестве приданого (статья 44). Права господина на отрока, таким образом, являются ограниченными.

Ряд интересных наблюдений сделал Д. Ангелов, исследуя проблему иммунитета. Так, по его мнению, иммунитет македонских монастырей распространялся не только на известную территорию, но и на определенные категории населения. Одной из таких прослоек являлись зависимые от монастыря парики, живущие в городах (стр. 129). В другом месте, но, к сожалению, без связи с только что отмеченным фактом о живущих в городе париках Д. Ангелов замечает, что зависимые люди монастыря Милешево в Хвосне были на пять лет освобождены от всяких повинностей в пользу государства, т. е. получили временный иммунитет (стр. 132).

В свете этих фактов создается возможность поставить вопрос о градуированном иммунитете. Подобная форма отношений была характерна не только для Македонии. В Византии монастырям часто жаловалось право полного (налогового, административного и особенно судебного) иммунитета только по отношению к узкой группе крестьян, число которых строго регламентировалось¹².

Система внеэкономического принуждения, одним из выражений которой являлся иммунитет, должна была включать в себя и аппарат насилия над крестьянином. Как создавался этот аппарат? На основании анализа статьи 32 Законника Стефана Душана о „церковных людях“, которые держат „церковные села и земли“, автор приходит к выводу,

¹¹ См. К. Јиречек. Историја срба, т. II, Београд, 1922—1923, стр. 12; А. Соловьев. — В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 475 и др.

¹² М. М. Фрейденберг. Эссеция в Византии в XI—XII вв. „УЗ Великолуцкого пединститута“, вып. 3, 1958, стр. 360—364.

что функции управления в монастырской вотчине в ряде случаев выполнялись феодалами. Это были, как правило, те феодалы, которые стали вассалами монастыря и сохранили свои поместья в качестве феодального держания (стр. 145). Здесь специально создается система иерархии, которая, как известно, выполняла в феодальном обществе роль политической организации угнетения¹³. Разумеется, одними вассалами не ограничивался состав служащих в монастырских вотчинах. Д. Ангелов показывает, что в их состав входили и сокальники¹⁴, особая категория зависимых крестьян, и даже отроки. Особенно убедительны, на мой взгляд, данные грамоты Милутина монастырю св. Георгия „Быстрого“, где говорится об отроке — исполнителе решений монастырского суда (стр. 141—142). Автор отмечает, что в условиях феодального строя было совершенно естественным создание аппарата угнетения из числа зависимых крестьян (стр. 143). К этому остается только добавить, что так было и в Западной Европе — § 10 *Capitulare de villis* красноречиво свидетельствует о крепостных, составляющих аппарат вотчинной администрации¹⁵.

В марксистской исторической литературе укрепилось мнение о том, что подъем экономической деятельности в странах феодальной Европы в XIV в., вызванный ростом городов и торговли, обусловил усиление барщинного гнета. Д. Ангелов подтвердил, что так было и в Македонии (стр. 164—165).

Интереснейшие наблюдения сделаны Д. Ангеловым относительно аренды. Ему удалось установить, что в некоторых случаях арендованная земля превращалась в своего рода надел, т. е. арендатор как бы получал на нее некоторые владельческие права. Так было при „седении“ — длительной аренде, бытовавшей в македонской деревне наряду с „подоранием“ — арендой краткосрочной (стр. 179). К сожалению, эти любопытные термины встречаются только в одном источнике, и трудно судить, насколько распространен был тот и другой тип аренды. Арендная плата в одних случаях равнялась $\frac{1}{4}$, а в других — $\frac{1}{10}$ части урожая. Д. Ангелов высказывает справедливое предположение о том, что одна четверть вносилась тогда, когда крестьянин работал при помощи господского инвентаря (стр. 182). К этому можно добавить, что все же гораздо чаще крестьяне обрабатывали арендуемую землю своим, а не господским инвентарем, и более распространенной была норма в $\frac{1}{10}$ урожая, близкая к норме византийской морты¹⁶. Безземельные же крестьяне, „чужаки“, „свободные“ (*ἐλεύθεροι*), расселялись на монастырских землях не на условиях аренды.

Чрезвычайно важным представляется мне вывод автора о сравнительном удельном весе аренды и барщины. Д. Ангелов считает, что феодалы явно предпочитали использовать бесплатный труд подневольного населения, дающий им возможность присваивать весь прибавочный продукт производителя, а не получать арендные взносы, состоящие из одной четвертой или даже одной десятой урожая (стр. 201). Этот вывод подтверждается, в частности, наблюдением над данными Кончанского практика, которые показывают, что из 42 „нив“, имевшихся в распоряжении монастыря св. Стефана в Конче, только четыре на-

¹³ См. Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 280.

¹⁴ Он присоединился к мнению, высказанному в свое время Р. Груичем (Властелинство Светога Ђорђа код Скопља од XI—XV века. „Гласник СНД“, I, 1926, кн. 1—2, стр. 67—68) о том, что главной обязанностью сокальников было собирать натуральный взнос в пользу монастыря.

¹⁵ *Capitulare de villis*. Ed. K. Gareis. Berlin, 1895.

¹⁶ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 124—126.

ходились в держании отдельных лиц, вероятно, арендаторов. Остальные 38 полей, по мнению автора, обрабатывались трудом барщинников или поденщиков (стр. 182). Характерно также, что в грамотах Банскому и Дечанскому монастырям категорически запрещается сдавать монастырскую землю в аренду (стр. 183). Незрелость арендных отношений является оборотной стороной стремления монастырей в Македонии перед турецким нашествием к самой примитивной форме феодальной ренты — ренте отработочной (стр. 200).

Внимание автора привлекает и наличие поденщиков в монастырском хозяйстве. Их появление часто рассматривается как признак значительного имущественного расслоения, предвещающего разложение феодального строя¹⁷. В рецензируемой работе четко и, на наш взгляд, совершенно убедительно показывается, что нет никаких оснований говорить о зарождении капиталистических отношений и распаде феодальных порядков (стр. 199). Появление поденщиков, по мнению Д. Ангелова, следует объяснять не созданием наемного труда, а наличием в балканской деревне XIV в. значительного числа безземельных, переселяющихся с места на место крестьян (стр. 200).

Как мы уже упоминали, заслуживают внимания и некоторые выводы, предлагаемые Д. Ангеловым в связи с характеристикой монастырской торговли. Мы расходимся с автором лишь в оценке значения торговой монополии монастырских вотчин. Автор убежден, что эта монополия наносила ущерб интересам только крестьян, мешая им сбывать на рынке даже те небольшие излишки, которыми они располагали (стр. 233). Нам кажется, что эта мысль нуждается в уточнении. Прежде всего, торговая монополия монастырей не представляла угрозы для большинства зависимого крестьянства по той простой причине, что последнее было настолько задавлено эксплуатацией, что никакими излишками, которые можно было бы повезти на рынок, не обладало. Собранный автором обильный материал о преобладании отработочной ренты доказывает это¹⁸. Но вместе с тем часть крестьянства, а именно его зажиточная верхушка, несомненно, была связана с рынком, и действительно могла явиться для монастырей настолько серьезным торговым конкурентом, что стоит задуматься над вопросом, не против нее ли и была направлена система рыночных монополий монастырей. Кроме того, наряду с сельской верхушкой подобным конкурентом для монахов могли оказаться и мелкие светские вотчинники, несправедливо забытые автором (он говорит только о крупных светских феодалах, которым была не страшна монастырская монополия на торговлю) (стр. 233).

Книга Д. Ангелова, как и всякое крупное исследование, не только дает материал для пересмотра ряда установившихся мнений, но и открывает возможность для научной полемики. Так, далеко не бесспорной, на наш взгляд, является характеристика экономических и правовых особенностей тех двух структурных частей, из которых складывается монастырское поместье, — „земли господской“ и „сельской земли“ (*terra dominicata* и *terra indominicata* — по принятой Д. Ангеловым терминологии), т. е. что следует относить к тому и другому разряду земель и каковы права монастыря и его крепостных на эти земли. Вначале автор как будто бы не оставляет сомнений по поводу первого вопроса: говоря о переходе села под власть монастыря, он ясно формулирует, что крестьянские надель („сельские стаси“) составили *terra indominicata*, в то время как все общинные угодья вошли в состав так называемой

¹⁷ См. А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 165—182.

¹⁸ См. Ст. Лишев. За стоковото производство във феодална България. София, 1957, стр. 64.

„господской земли“ (стр. 36). Но остается неясным, чем же отличались права феодала на те и другие земли, если он приобрел право взимать ренту и с тех, и с других. Далее, нельзя забывать, что пустующие земли, вошедшие в состав „господской земли“, расчищались крестьянами и превращались в их обрабатываемые наделы. Правда, по отношению к „лази“ (так назывались заимки в пустошах) сделавшие их крестьяне пользовались только ограниченными правами (т. е. возможностью пользования, а не правом наследственного владения). Но нетрудно заметить, что это ограничение осуществлялось явно насильственным путем и, возможно, отражало лишь юридическое, а не фактическое положение вещей. На деле же всякий крестьянин, возделавший пустошь, имел большую или меньшую возможность ею распоряжаться, улучшать и т. д. Укрепятся ли эти права за крестьянином, и приближаются ли они к тем, которыми обладают наследственные держатели своих стасей, это зависело в конечном счете от того, насколько энергично будет отстаивать помещик свое право собственности. Но в хозяйственном отношении участки домена, разработанные крестьянами, (см. стр. 72), ничем не отличались от их собственных наделов.

Более того, и даже по своему происхождению *terra dominicata* далеко не всегда создавалась только из альменды. Сам же Ангелов приводит из писцовой книги монастыря Богородицы Хтетовской пример, убедительно об этом свидетельствующий (см. стр. 67): братья из с. Хтетово тайно от монастыря продают надел, которым они владели в „господской земле“. Правда, верный своей концепции о принципиальном различии между доменом и крестьянскими наделами, Д. Ангелов настойчиво (повторяя этот вывод и на стр. 180) изображает указанный случай как пример аренды, но, на наш взгляд, для такого утверждения нет решительно никаких оснований. Во-первых, только с расчетом на свои наследственные права братьям могла прийти в голову мысль о продаже земли, а во-вторых, использование четырьмя братьями одного участка явно доказывает сохранение большесемейной собственности. Братья являлись не арендаторами, а наследственными владельцами земли, даже если она и числилась „господской землей“ („дрьковна стась“). Едва ли можно сомневаться, что аналогичным образом дело обстояло и во множестве других случаев. Показателен и другой пример. Крестьяне села Сеняне жалуются на безземелье, и царь Душан распоряжается раздать им часть земли соседнего монастыря Архангела Призренского. Оказывается, что монастырь виноват в малоземелье крестьян, ибо он в свое время отнял у крестьян часть их земель, надо думать, именно наделной земли (стр. 100). Таким образом, исчезает принципиальное различие между *terra dominicata* и *indominicata* и с точки зрения и мущественных прав крестьян на нее. Этой мысли не противоречит и то, что многие из этих крестьян являлись не наследственными владельцами, а всего лишь арендаторами своих участков: в условиях, когда еще не создались предпосылки для капиталистического расслоения деревни, аренда неминуемо должна была перерастать в феодальное держание. К тому же в создании этих держаний не менее крестьян были заинтересованы и феодалы, так как они обеспечивали их рабочими руками.

Подлинное различие между домениальной и крестьянской землей может выявиться лишь в том случае, если в поместье ведется свое господское хозяйство. В этом случае домен приобретает характерный облик барской запашки, и только тогда к нему полностью применимо понятие *terra dominicata*.

Но тогда возникает вопрос: что дало основание Д. Ангелову столь широко употреблять выражение „господская земля“? Ответ подсказывается актами, часть из которых была упомянута выше. Оказывается,

монастырские грамоты часто употребляют подобный термин, нередко применяя его заведомо к крестьянским наделам. Является ли это случайным смещением правовых понятий или действительно монастырская собственность не оставляет места для существования каких-либо крестьянских прав на землю? Нам кажется, что здесь можно предположить следующее. Когда монастырь настойчиво провозглашает свое право собственности, то, очевидно, он этой собственностью фактически не обладает. Постоянное утверждение своего права является не более как юридической формулой для того, чтобы обосновать право монастыря на эксплуатацию крестьян, на взимание с них феодальной ренты. Поэтому далеко не безразлично определять, в каком конкретно случае собственность феодала является действительно установившейся, а в каком — лишь прокламируемой. В этой связи надо обратить внимание еще на одно обстоятельство. В Рильской грамоте отмечено, что в собственности монастыря находилось село Градечница, и поименованы зависимые люди монастыря поп Тодор с детьми и Петр Теодосов с родственниками (стр. 81—82). Несомненно, что в состав населения деревни входили еще какие-то люди, кроме этих двух семейств, но названы почему-то только эти двое. Объяснение автора нам не кажется удовлетворительным. Он считает, что об остальных жителях села грамота умалчивает потому, что они остались под контролем царской администрации (стр. 82). На наш взгляд, все село перешло под власть монастыря, но последний располагал в нем разными правами. Семейства попа Тодора и Петра Теодосова могли отдаться под власть монастыря раньше, чем остальная деревня, могли коммендироваться монастырю, в то время как остальная деревня продолжала зависеть от помещика лишь в фискальном отношении. Можно выдвинуть и другие предположения, но суть не изменится: в XIV в. отдельные прослойки крестьян еще не слились в деревне в единую категорию крепостных.

Третью главу Д. Ангелов начинает с утверждения, что „крупные монастыри в Северной и Средней Македонии в XIV в. были крупными хозяевами“ (стр. 147). Автор не разъясняет, к сожалению, что именно он понимает под выражением „крупные хозяева“, но, так как он и здесь, и ниже (стр. 164) постоянно говорит об огромных земельных площадях, находящихся в распоряжении монастырей, у читателя может возникнуть мысль о том, что монастыри вели крупное собственное хозяйство. Как обосновывается это мнение? Говоря о составе монастырских владений и перечисляя пашни, виноградники и сады, автор все время отмечает их мелкий, парцеллярный характер (стр. 148). Правда, количество этих парцелл, составляющих монастырский домен, было достаточно велико (65 — в Конче, 43 — в Лубенице, 33 — в Трескавце), однако, будучи мелкими, они должны были обрабатываться трудом отдельных крестьян и мелким крестьянским инвентарем. С другой стороны, как убедительно показывает сам автор, основную часть „господской земли“ составляли горы, „планины“, „зимовища“ и другие пустующие земли (стр. 149—152), остававшиеся, собственно, вне сферы какого-либо земледельческого хозяйства. Вспомним, наконец, что хотя по сравнению в арендой барщина была распространена значительно шире, тем не менее в целом ряде монастырей работа на барщине составляла всего три дня в году (стр. 162—163). Эти данные заставляют нас предположить, что собственное хозяйство монастырей не носило столь крупного характера, как это может показаться. Монастыри XIV в. в Северной и Средней Македонии, несомненно, были центрами потребления, но вряд ли являлись центрами производства.

Характеризуя барщинные повинности македонских крестьян, Д. Ан-

гелов упорно подчеркивает факт, имевший место и в других феодальных странах Европы, — выдачу харчей крестьянину, выполнявшему барщину на господском поле. Д. Ангелов объединяет это с другими мелкими уступками, которые помещик делал своим крестьянам, и дает им любопытное истолкование. По его мнению, подобное вознаграждение должно было замаскировать грабительский характер барщины и создать известного рода материальную заинтересованность для крестьян (стр. 162). Нельзя не согласиться с тем, что монастырь, поступающий подобным образом, действовал как расчетливый и осмотрительный хозяин, но вряд ли крепостные, получавшие господское угощение, становились от этого наемными рабочими, как предлагает считать автор (там же): господские харчи возмещали лишь ничтожную часть прибавочного продукта крестьянина, для которого основной „заработной платой“, выраженной в натуральной форме, продолжал оставаться его земельный надел¹⁹. Кроме того, мне кажется, что в данном случае следовало бы в первую очередь упомянуть о классовом сопротивлении крестьян как об основной (а может быть, и единственной) причине подобных послаблений, и тогда эти уступки предстанут перед нами как компромисс, порожденный классовой борьбой.

Как известно, в последнее время подвергаются пересмотру старые точки зрения насчет якобы имевшего место застоя в хозяйственной жизни Византии²⁰. Процесс постепенных экономических и технических изменений затрагивал и Южную Македонию, входившую в состав империи. Происходило ли что-нибудь подобное в Северной и Средней Македонии? К сожалению, рецензируемая работа не дает ответа на этот вопрос.

Остальные замечания носят более частный характер. Так, на наш взгляд, зависимое население поместья нельзя характеризовать выражением „живой инвентарь“ (стр. 79). Положение париков, которые обладают своим хозяйством, наследственными, хоть и подчиненными баштинами (стр. 98), не дает оснований для такой формулировки. Очень жаль, что отсутствует предметный указатель — это затрудняет работу с книгой. И, наконец, последнее по счету, но не по важности, — монография явно нуждается в обстоятельном источниковедческом введении.

Можно подвести некоторые итоги. Работу проф. Д. Ангелова отличают лучшие черты, которые должны быть присущи исследованию, посвященному такой важной теме, как социально-экономические отношения средневековья: глубина анализа, широта охвата темы, прекрасное знание источников. Отмеченные выше спорные моменты не снижают ее достоинств, они могут стать предметом дальнейшей полемики, которая выявит новые стороны в аграрной жизни средневековой Македонии. В целом работа Д. Ангелова должна быть высоко оценена как серьезный вклад в историю средневековой балканской деревни.

М. М. Фрейденберг

¹⁹ См. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 158—159.

²⁰ Э. В. Удальцова и А. П. Каждан. Некоторые нерешенные вопросы социально-экономической истории Византии. ВИ, № 10, 1958, стр. 93—96.